

DOI: [10.17805/ggz.2023.3.3](https://doi.org/10.17805/ggz.2023.3.3)EDN: [GKLSAW](https://www.edn.ru/GKLSAW)

ФЕНОМЕН ДОВЕРИЯ К СЕБЕ В ЧЕЛОВЕКОЦЕНТРИРОВАННОМ ПОДХОДЕ К. РОДЖЕРСА

А. В. Бабанов

*Институт философии РАН,
г. Москва, Российская Федерация*

В статье проанализированы понятие и модель доверия к себе Т. П. Скрипкиной. Отталкиваясь от этого анализа, автор интерпретирует феномен доверия к себе в человекоцентрированном подходе и персонологии Е. Б. Старовойтенко. Для человекоцентрированного подхода К. Роджерса доверие к себе есть опора на свой организмический ценностный процесс. Личность может находиться в состоянии противоречия, когда представления о себе (Я-концепция) оказываются важнее и безопаснее для осознания, чем непосредственный организмический опыт. В таком случае потребности и ценности «Я» могут заблокировать организмический процесс ценения, отделить человека от собственной жизненной основы.

Решение данного практического противоречия состоит в изменении Я-концепции, в приведении ее в соответствие с организмическим ценностным процессом, т. е. в обретении человеком своей целостности. В персонологической модели рефлексивного отношения личности к себе «Я» понимается как субъект рефлексии, в процессе которой «Я» обнаруживает, что себя не знает. Есть «Я-неизвестное», в котором и заключено противоречие доверия к себе: как личность может чувствовать самоценность и надежность внутреннего опыта самой себя, если она мультисубъектна — если есть части ее, которые она не знает и которые недоступны для осознания.

Решение противоречия тоже практическое: оно заключается в интеграции, в достижении личностью своей целостности. Однако эти целостности имеют разные философские основания — различные идеи субъектности. В человекоцентрированном подходе субъектность человека — это целостность организмического процесса, сознания и гибкой Я-концепции, что говорит об идеи процессуальности личности, а в персонологической модели — целостность субъекта рефлексии (Я-известного и Я-неизвестного), что гово-

рит об идеи субстанциальности личности. Процессуальность субъектности в холистическом подходе К. Роджерса была нами подсвечена с помощью идеи интуиции А. Бергсона.

Ключевые слова: доверие к себе; организмический ценностный процесс; Я-концепция; Я-неизвестное; субъект; интуиция; человекоцентрированный подход; персонология; Т. П. Скрипкина; Е. Б. Старовойтенко; К. Роджерс; А. Бергсон

THE PHENOMENON OF SELF-TRUST IN THE PERSON-CENTERED APPROACH OF CARL ROGERS

Aleksey V. Babanov

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*

In this article, we analyze the concept and model of self-trust by Tatyana P. Skripkina. Relying on this analysis, the author interprets the phenomenon of self-trust in the person-centered approach and personology proposed by Elena B. Starovoytenko. According to the person-centered approach of Carl Rogers, self-trust is a reliance on one's organismic valuing process. A person may be in a state of contradiction when a perception of oneself (self-concept) turns out to be more important and safer for understanding than direct organismic experience. In this case, the needs and values of "I" can block the organismic valuing process and separate a person from their own life basis.

The solution to this practical contradiction in the change of the self-concept lies in bringing it in line with the organismic valuing process, that is in a person's gaining their integrity. In the personological model of a person's reflexive attitude towards themselves, the "I" is understood as the subject of reflection during which the "I" discovers that it does not know itself. There is an "I-unknown" which contains the contradiction of self-trust: how can a person feel the self-worth and reliability of internal experience of themselves, if they are multi-subjective — if there are parts of themselves that they do not know and which are inaccessible to perception.

The solution to the contradiction is also practical: it lies in integration, in the individual achieving their integrity. However, these integrities are understood in different ways. According to the person-centered approach, human subjectivity is the integrity of the organismic process, consciousness and flexible self-concept. This points to the idea of the processuality of personality. And in the personological model, there is the integrity of the reflective subject (I-known and I-unknown). This implies the idea of the substantiality of personality. We have clarified the pro-

cessuality of subjectivity in the holistic approach of Carl Rogers with the help of the idea of intuition proposed by Henri Bergson.

Keywords: *self-trust; organismic valuing process; self-concept; I-unknown; subject; intuition; person-centered approach; personology; T. P. Skripkina; E. B. Starovoytenko; C. Rogers; H. Bergson*

ВВЕДЕНИЕ

Исследование феномена доверия к себе в человекоцентрированном подходе К. Роджерса может быть важным для нас, людей современной европейской культуры, которые понимают себя в парадигме картезианского мыслящего субъекта и зачастую отчуждены от процессуальности собственного организма. Последний в этой культуре традиционно рассматривается либо как одно из свойств субъекта (телесность), либо как сложно устроенная машина, которую можно изучить, чтобы лучше ей управлять и чинить в случае неисправностей (объектное отношение к организму в естественных науках и медицине). Однако можно рассматривать организм как основу личного бытия или даже как того подлинного «себя», кому можно доверять. Возвращение человеческому организму субъектности, а с ней и самооценности может быть актуальной задачей для многих культурных практик.

Эту задачу можно охарактеризовать в первую очередь как этическую. В эпоху информационных войн все сложнее разобраться в той или иной информации, отделить в ней истину от лжи, которые переплетены друг с другом. Поток эмоционально заряженной информации усложняет сознательный контакт со своим организмическим чувствованием, помещает человека в информационную «капсулу», скрепленную, как правило, внешними для индивида ценностями, закодированными в идеологемах той или иной стороны конфликта. Информационная война быстро переходит в войну «реальную», когда индивид жертвует своей жизнью или уничтожает жизнь другого. Такое положение дел ставит множество этических вопросов (в первую очередь, о ценности жизни, возможности убийства). Оптика человекоцентрированного подхода предполагает единство человеческой природы, позитивную видовую сущность человека, что, конечно, является скорее фундаментом для определенного способа, «пути» бытия¹ или предметом веры, а не доказанным фактом. Вероятно, именно такой философской оптики не хватает сегодня в публичном пространстве (да и не хватало в прошлом) для того, чтобы безусловно ценить свою и чужую жизнь.

¹«Путь бытия» (“A Way of Being”) — так называется одна из последних книг К. Роджерса (Rogers, 1980).

Есть и более узкая сфера, для которой исследование феномена доверия к себе может быть актуальным, — собственно сам человекоцентрированный подход в психотерапии. Здесь актуальность состоит в том, что доверие к себе в человекоцентрированной терапевтической практике не было до сих пор изучено как отдельный феномен. Это кажется странным, так как доверие к себе — один из основных постулатов психотерапевтической концепции К. Роджерса. Однако такое положение дел, вероятно, обусловлено сложностью этого феномена для научного изучения. Он существует в психотерапевтической практике как внутриличностный феномен и является «трудноуловимым» предметом для изучения. Возможно, данное исследование поможет в осмыслении сущности и значения доверия к себе не только человекоцентрированным специалистам, но и психотерапевтам других направлений, а также всем интересующимся этой проблемой.

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ ФЕНОМЕНА ДОВЕРИЯ

В зарубежной науке доверие чаще всего исследуют как феномен социальный или межличностный. Так, для американского философа Ф. Фукуямы доверие есть «фундамент добродетели и благосостояния» членов капиталистического общества, установка или «ожидание», что другие люди будут вести себя, выполняя социальные нормы и взятые на себя обязательства (Фукуяма, 2004). Высокий уровень доверия способствует экономической деятельности, развитию торговли и сферы услуг. Доверие в социальном аспекте связано с репутацией в глазах других людей. В этом ракурсе доверие понимается как существующий между людьми «клей», тот невидимый фундамент, без которого было бы невозможно заключать сделки купли-продажи, просто договариваться о чем-то, а также как связь с социальными институтами, в первую очередь, относящимся к области государственного управления (правоохранительные органы, судебная система, парламент и т. п.), образования (школа, университет) и сфере услуг. Вообще там, где есть какие-либо договорные отношения (устные или письменные), а также отношения власти и подчинения можно говорить о социальном доверии. Этапы формирования социального доверия на протяжении эволюции человеческого вида и развития цивилизации прослеживает в своем труде «Проблема доверия» американский социолог и философ А. Селигмен (Seligman, 1997).

Социальный психолог С. Московичи выводит подчинение из доверия: люди подчиняются, пока и поскольку доверяют авторитету власти (Московичи, 2020). Доверие — преходящий, неустойчивый социально-психологический феномен, определяющее отношения власти и подчинения. Массы могут

доверять власти, но власть легко может потерять это доверие в следующий момент истории. В социологии социальное (абстрактное) и межличностное (к другим людям) доверие исследовали Э. Гидденс и Н. Луман.

Доверие как межличностный феномен проявляется в общении между людьми. Это, наверное, самая привычная оптика исследования доверия в психологии. Доверять — значит выбирать кого-то или, в случае недоверия, не выбирать, считая человека не заслуживающим доверия, «ненадежным». Этимологически «питать доверие», замечает В. П. Зинченко в статье о доверии для Большого психологического словаря, означает «сердце даю» или «сердце кладу» (Большой психологический словарь, 2002: 130). В этом смысле доверие связано с личным выбором, риском открытости, любовью. Исследователи Г. Чуйко, Я. Чаплак и Т. Колтунович в своей статье отмечают, что общей научной интерпретацией доверия как межличностного феномена является представление об априорной способности каждого человека делать выбор, на кого можно полагаться, кто надежный и честный человек, а кому не стоит доверять (Chuyko, Chaplak, Koltunovich, 2020). Доверие другого легко потерять, оно остается «самым хрупким и изменчивым психическим феноменом» (там же: 184; здесь и далее пер. наш. — А. Б.). Несколько иную точку зрения на доверие в межличностных отношениях высказывает Дж. Барбалет. Он пишет о вторичности феномена доверия по отношению к полезности взаимоотношений, а также замечает, что опыт доверия зависит от культуры (Barbalet, 2019: 26), в которой человек живет и коммуницирует с другими: для человека из Китая и для человека европейской культуры есть разница в отношении к честности другого, а значит и само доверие как межличностный феномен имеет несколько различные смысловые оттенки и способы реализации в поведении.

Американский психотерапевт, представитель социального психоанализа Э. Эриксон утверждал, что чувство доверия рождается на ранней стадии онтогенеза, в процессе взаимодействия ребенка с родителями (матерью). Он выделял восемь стадий развития психики, на каждой из которой человек переживает кризис идентичности в виде выбора между двумя противоположными установками. На первой стадии, которую Э. Эриксон характеризовал как «краеугольный камень жизнеспособности личности» (Эриксон, 1996: 96), младенец «выбирает» между базовым (базальным) доверием к миру и недоверием к нему. Этот выбор зависит от качества отношений ребенка с матерью и является главным фундаментом для будущей самоидентичности взрослого человека. При этом доверие к миру не абсолютно: ребенок учится различать, каким объектам мира можно доверять, а каким не стоит. Таким образом, некоторый баланс доверия и недоверия должен сохраняться для успешного развития индивида. О проблеме баланса доверия и недоверия, а также о доверии и

недоверии как двух самостоятельных феноменах пишут современные исследователи Р. Левицки, Д. Макаллистер и Р. Бис (Lewicki, McAllister, Bies, 1998).

Сложнее дело обстоит с доверием к себе. Этот феномен тоже изучается, но он существует не в межличностных отношениях и не как отношение к общественным институтам, а как сложно уловимый для объективации внутриличностный феномен. В своем обзоре зарубежных исследований доверия Н. Б. Астанина пишет: «Феноменам доверия к миру и доверия к себе на протяжении долгого времени придается очень большое значение в рамках психотерапевтических и психокоррекционных практик, однако масштабные эмпирические исследования доверия к миру и к себе зарубежными психологами не проводятся» (Астанина, 2010а: 141). Причинами отсутствия больших исследований на тот момент времени она видит в том, что эти феномены в своей уникальности не были в достаточной мере теоретически разработаны. Пожалуй, в настоящее время дело обстоит немногим лучше.

Можно согласиться с Н. Б. Астаниной, что в западных исследованиях феномену доверия к себе уделяется наибольшее внимание именно представителями психотерапевтических течений, а не теоретической психологии. Этот феномен является одним из центральных для гуманистического направления западной психологии и психотерапии, яркими представителями которого в XX в. были А. Маслоу, Ф. Перлз, Э. Шостром, С. Джулард, Р. Мэй, К. Роджерс, Э. Фромм, В. Франкл, Д. Бьюдженталь и др. Разберем представления о доверии к себе у некоторых из них.

Согласно концепции самораскрытия С. Джуларда, человек, честно открываясь другому, становится с каждым разом все больше способен соприкасаться со своим подлинным, реальным «Я» (Jourard, 1959). Такое искреннее самораскрытие (или «траспарентизация») перед другим, например, на психотерапевтической группе требует доверия к самому себе, а не только доверия другим.

Э. Шостром, ученик А. Маслоу и Ф. Перлза, в своей книге «Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор» указывает на недостаток доверия к себе у современного ему человека американского общества, который лучше всего умеет манипулировать собой и окружающими для достижения своих целей (Шостром, 1992). В противоположность «человеку-манипулятору», который лжив, циничен и привык контролировать себя и других, «человек-актуализатор» искренен, осознан и доверяет самому себе. В этом смысле он свободен от постоянного контроля над собой и способен опираться на свою позитивную внутреннюю природу.

Критике современное ему общество и человека подвергал также Э. Фромм, который видел в доверии внешним авторитетам, общественному

мнению и государству, проявление не просто конформизма, присущего людям эпохи массового общества, но глубже — симптом фундаментального отчуждения человека от самого себя, проявляющееся также в неспособности опираться на себя и доверять себе, брать ответственность за свою жизнь и судьбу, быть активным, творческим началом в мире. Эти его идеи можно найти уже в знаменитой книге «Бегство от свободы» (1941), а также в послевоенных работах «Человек для самого себя» (1947), «Здоровое общество» (1955) или, например, в позднем произведении «Иметь или быть?» (1976). Начиная с работы «Человек для самого» и во всех последующих Э. Фромм думает о «новом человеке» (Фромм, 2009: 9), который предпочитает доверие и любовь к жизни некрофилии. Этот выбор необходимо сделать каждому, если человечество хочет жить дальше, не уничтожив цивилизацию в ядерной войне и не превратив отдельных индивидов в простых потребителей, пассивно служащих интересам крупного производства, безличной логике капитала.

Радикальному гуманизму Э. Фромма близка позиция К. Роджерса в том отношении, что он тоже думает о новых человеческих началах личности и общественной жизни. Такие начала он видит в актуализирующей тенденции организма, который нацелен на развитие и укрепление, или иначе — в вере в позитивную природу человека. Отталкиваясь от собственной терапевтической практики, К. Роджерс убеждается, что нужно только создать определенные условия (безусловное принятие, эмпатическое понимание, конгруэнтность самовыражения), чтобы высвободить потенциал, фасилитировать позитивную природу человека (Rogers, 1959). Эти условия можно создавать не только в терапевтических отношениях, но и в партнерских, детско-родительских, учебных, даже межгосударственных — что будет способствовать их развитию и укреплению. Например, в книге «Свобода учиться» психолог высказывает мысль, что американское общество устроено на директивных началах подчинения авторитету, государственном и семейном принуждении и насилии, жесткой конкуренции, однако людям, в том числе детям, по существу, не нужны надсмотрщики или поводыри, они могут самоорганизовываться, следуя своей внутренней позитивной природе, тенденции к актуализации, которая предполагает сотрудничество, а не вражду с другими (Роджерс, Фрейберг, 2019). Для К. Роджерса доверие опыту, целостному организмическому переживанию (ценностному процессу организма) — основа для выстраивания глубоких отношений с собой: «Я постарался дать описание характерных качеств появляющегося человека; человека, более открытого ко всем составляющим его организмического опыта; человека, у которого возникает доверие к своему организму как инструменту чувственной жизни; человека, который полагает, что локус оценки лежит внутри него...» (Роджерс, 1994: 171). Феномен

доверия к себе в человекоцентрированном подходе К. Роджерса будет нами подробнее рассмотрен в дальнейшем.

Если говорить о современных зарубежных психологических исследованиях доверия к себе, то большинство из них так или иначе связаны с тем или иным психотерапевтическим направлением. Например, американский психолог и гештальт-терапевт Г. Йонтеф полагает, что главное для человека, способного доверять себе и опираться на себя, — «это идентификация с тем, кто я есть, с моим актуальным опытом, поведением, ситуацией. Такая идентификация включает идентификацию с волнообразным изменением этого статуса, доверие к движению и изменениям» (цит. по: Булюбаш, 2022: 191). Вообще для представителей гештальт-подхода, также как и для подхода К. Роджерса, характерно делать акцент на доверии к процессуальности личного опыта и постоянно развивающейся самоидентичности.

Современный социальный психолог Т. Говье посвящает свой труд подробному рассмотрению связи между тремя личностными феноменами: доверием к себе, самооценкой и автономией. Он развивает положение о том, что доверие к себе должно иметь некоторую меру, но также подмечает, что оно является необходимым фундаментом для подлинно автономного человеческого существования (Govier, 1993). Он также пишет о взаимозависимости доверия к себе и доверия к другим: они могут обуславливать друг друга, быть причиной друг друга (*ibid.*: 117). Взаимосвязь личного и социального доверия, доверия к себе и доверия к другому и обществу в целом прослеживается также Б. Мизталь (Misztal, 2019). В своем исследовании она рассматривает сознательную или рефлексивную привычку (*habit*) как ядро личностной культуры, а культивирование доверия к ней (т. е. развитие умения полагаться на себя) как средство решения дефицита социального доверия в постоянно изменяющемся современном западном обществе (*ibid.*).

В отечественной психологии последних десятилетий есть минимум три обстоятельных монографии, посвященных психологии доверия: «Психология доверия» Т. П. Скрипкиной (Скрипкина, 2000), «Психология доверия и недоверия» А. Б. Купрейченко (Купрейченко, 2008), «Психология доверия» Е. П. Ильина (Ильин, 2013). Произведения А. Б. Купрейченко и Е. П. Ильина посвящены в большей мере анализу доверия как межличностного и социального феномена. А основная заслуга в анализе, формулировке понятия и составлении теоретической модели доверия к себе принадлежит Т. П. Скрипкиной, у которой есть целая плеяда последователей (Л. П. Караваева, Я. С. Сунцова, Е. Н. Биличенко и др.), основывающих свои эмпирические исследования на разработанной ею методике изучения доверия к себе.

Т. П. Скрипкина разработала «рефлексный опросник уровня доверия к себе» (Скрипкина, 2000: 237), в котором выделяется одиннадцать жизненно важных сфер доверия человека к себе: 1) в профессиональной деятельности; 2) в интеллектуальной деятельности; 3) в решении бытовых проблем; 4) в умении строить взаимоотношения с близкими людьми (друзьями); 5) в умении строить взаимоотношения с подчиненными; 6) в умении строить взаимоотношения с вышестоящими людьми; 7) в умении строить взаимоотношения в семье; 8) в умении строить взаимоотношения с детьми; 9) в умении строить взаимоотношения с родителями; 10) в умении нравиться представителям противоположного пола; 11) в умении интересно проводить досуг (там же).

Л. П. Караваева и Л. В. Тарасова определяют доверие к себе как «основу позитивного функционирования личности» (Караваева, Тарасова, 2020: 84). Их эмпирическое исследование не имеет цели осмыслить, что такое доверие к себе. Но авторы показывают обусловленность трех аспектов позитивного функционирования личности (удовлетворенность жизнью, ощущение счастья, психологическое благополучие) различными сторонами доверия к себе, согласно классификации в опроснике Т. П. Скрипкиной. Похожее корреляционное исследование провела Я. С. Сунцова, которая тоже опиралась на выделенные Т. П. Скрипкиной сферы доверия к себе, анализируя возможную взаимосвязь психологического благополучия личности с доверием к себе и другим (Сунцова, 2020). Е. Н. Биличенко также опирается на работу Т. П. Скрипкиной, показывая особенности взаимосвязи доверия к себе и самоактуализации у студенток в период профессионального обучения (Биличенко, 2012). Все три перечисленных исследования, по существу, являются эмпирической проверкой уже разработанной теоретической модели и не ставят цели заново осмыслить феномен доверия к себе. О. В. Голубь, также опираясь на концепцию Т. П. Скрипкиной, провела диссертационное исследование, посвященное доверию к себе в подростковом возрасте: этот феномен характеризуется автором как особое интегративное внутриличностное образование, являющееся условием субъектности молодых людей (Голубь, 2004).

И. Ю. Леонова изучила влияние доверия к себе на склонность к виктимному поведению у подростков. В результате проведенного регрессивного анализа выявлено влияние доверия к себе на склонность вести себя «виктимно»: чем ниже у подростка доверие к себе, тем у него больше вероятность стать «жертвой» в той или иной сложной социальной ситуации (Леонова, 2017: 327). В отличие от вышеупомянутых авторов, она опиралась на методику изучения доверия к себе Н. Б. Астаниной (Астанина, 2010b). Эту же методику использовала в своем диссертационном исследовании О. В. Рунец, которая изучала доверие профессионала к себе в помогающих профессиях на примере про-

фессии фельдшера скорой помощи (Рунец, 2018). Помимо методики Н. Б. Астаниной и опросника Т. П. Скрипкиной есть еще разработанная О. В. Голубь техника шкального изучения доверие к себе как специфического внутриличностного феномена у подростков (Голубь, 2004).

Таким образом, одно обстоятельное теоретическое (Т. П. Скрипкиной) и несколько эмпирических исследований в отечественной психологии, как и небольшое внимание западной теоретической психологии к феномену доверия к себе, говорят о том, что этот феномен все еще недостаточно изучен.

ПОНЯТИЕ И МОДЕЛЬ ДОВЕРИЯ К СЕБЕ Т. П. СКРИПКИНОЙ

Разберем понятие и теоретическую модель доверия к себе, разработанных Т. П. Скрипкиной, на которые мы будем опираться в анализе феномена доверия к себе в человекоцентрированном подходе К. Роджерса.

В своей работе исследовательница замечает, что феномен доверия изучался в трех основных областях²: доверие к миру, доверие к другому (другим), доверие к себе (Скрипкина, 2000: 76).

Т. П. Скрипкина предлагает такое определение доверия: «Доверие есть способность человека априори наделять явления и объекты окружающего мира, а также других людей, их возможные будущие действия и собственные предполагаемые действия свойствами безопасности (надежности) и ситуативной полезности (значимости)» (там же: 85). Априори — значит до самого акта взаимодействия, поэтому доверие выступает здесь как установка или отношение субъекта, определяющее его взаимодействие с объектом. Если перенести это определение на доверие к себе, то в первом приближении (еще не формулируя самого понятия и смысла того, что значит «себе»), можно сказать, что когда доверяешь себе, то опираешься на себя, чувствуешь себя безопасно в своем внутреннем мире, а также переживаешь значимость собственных чувств, мыслей, действий.

Согласно Т. П. Скрипкиной, доверие к себе связано с таким феноменом как самооценность, т. е. с особым рефлексивным отношением к себе, своей субъектности как ценности: «Доверие к себе можно определить как *рефлексивный, субъектный феномен личности, позволяющий человеку занять определенную ценностную позицию по отношению к самому себе, к миру и, исходя из этой позиции, строить собственную жизненную стратегию*» (там же: 139; здесь и далее курсив источника. — А. Б.). Доверие к себе всегда как-то соотносится с доверием к миру, являясь «ценением» своего мира. При этом важно,

² Данная классификация относится к типологии по объекту доверия.

что субъект ценения осознает себя и мир как изменяющийся, развивающийся. Он доверяет тому, кем он будет в следующий миг, открыт новому опыту, который может противоречить не только прошлому опыту, но и его привычным ценностям и смыслам. Т. П. Скрипкина именно в этой проблемной ситуации видит возможность проявления подлинного доверия себе, «высший уровень» такого доверия: «Однако согласно развиваемой точке зрения подлинное доверие к себе, его высший уровень заключается в возможности человека приобрести новый опыт, т. е. “выходить за пределы себя”, не вступая в противоречие с собой, что и предполагает развитую рефлексивность (В. И. Слободчиков) или, выражаясь языком С. Л. Рубинштейна, философское осмысление жизни. Таким образом, *подлинное доверие к себе проявляется в способности человека “выходить за пределы себя”, не вступая в противоречие с собой*» (там же: 166).

Идея отечественного психолога В. А. Петровского о неадаптивной (или надситуативной) активности предполагает, согласно Т. П. Скрипкиной, способность человека доверять себе: «Лишь свойство человека доверять себе делает возможным “выход” человека за пределы ситуации, позволяя разомкнуть “постулат сообразности”. Поэтому случаи неадаптивной активности можно рассматривать как проявление способности человека доверять самому себе» (там же: 87). Стоит добавить, что отдельными темами для осмысления в психологии являются: доверие себе и социальная адаптация, доверие и привычные паттерны поведения (см., например, на эту тему исследование Б. Мизталь (Misztal, 2019)).

Т. П. Скрипкина большое внимание уделяет анализу соотношения доверия к миру и доверия к себе. Она отмечает диалектическую взаимосвязь этих двух явлений, выявленную психологом В. Е. Клочко: «Доверие к миру и доверие к себе стремятся к гармоничному сочетанию, иначе наблюдается либо безрассудный риск, либо полное отчуждение личностной индивидуальности от самой себя» (Скрипкина, 2000: 93).

Целостная система «человек — мир» предполагает отношение человека к себе и миру. Внутри нее доверие к себе невозможно без доверия к миру, и наоборот. Интересны в этой связи размышления Т. П. Скрипкиной о необходимой мере доверия к себе в контексте ее интерпретаций идеи психологической целостности личности в концепциях С. Л. Рубинштейна и К. А. Абульхановой-Славской. Согласно К. А. Абульхановой-Славской, активность субъекта, моделирование им своей жизни всегда обусловлено стремлением к целостности (Абульханова-Славская, 1991). Из этого положения Т. П. Скрипкина делает вывод, что «одна из наиболее важных функций доверия к себе заключается в том, что, доверяя себе (самостоятельно определяя меру доверия к

себе), личность стремится к обретению целостности» (Скрипкина, 2000: 128). Идею психологической целостности личности и ее жизненного мира развивал выдающийся советский философ и психолог С. Л. Рубинштейн, один из основателей деятельностного подхода в психологии. Как пишет Т. П. Скрипкина, в основных постулатах теории С. Л. Рубинштейна «заложено понимание того, что доверие человека к себе не должно быть абсолютным, так же как не должно быть абсолютным и недоверие к себе, ибо абсолютизация доверия к себе приводит к личностной стагнации и, в конечном счете, — к личностной самоутрате, так как основной, высшей и единственной ценностью для такого человека является он сам» (там же: 128).

В целом для Т. П. Скрипкиной доверие к себе не является абсолютным, оно имеет ту или иную меру, «порциальность», в зависимости от конкретной «пропорции» значимости жизненной ситуации со значимостью побуждений и мотивов личности: «...*доверие к себе есть форма ценностного отношения к собственной субъектности в сочетании с ценностным отношением к внешним условиям активности*» (там же: 168).

После проведенного анализа понятия доверия к себе Т. П. Скрипкина строит теоретическую модель, отражающую личностную структуру феномена доверия к себе, которая состоит из трех частей: 1) «я хочу» (потребности, мотивы, интересы — все, что пробуждает активность человека); 2) «я могу» (прогностический элемент, связанный с возможностями и умениями, позволяющими удовлетворить «я хочу»); 3) «я должен» (переменная, которая отвечает за контроль над осуществлением возможностей приемлемым путем с точки зрения ценностей общества и самой личности) (там же: 169). Умение доверять себе связано с гармоничным единством этих трех переживаний, но под «руководством» контролирующего и направляющего «я должен», которое задает «стратегическое» направление развития личности (там же).

Доверие к себе есть форма самоорганизации личности, что означает «умение соотносить возникающие потребности с возможностями их реализации в данной ситуации и с присвоенными личностью социокультурными ориентирами, имеющимися в обществе (или своими представлениями о них). Таким образом, оптимальный уровень доверия к себе в конечном итоге предполагает овладение способностью к самоорганизации своей жизни» (там же: 138). Поэтому доверие к себе как сложноорганизованный, составной феномен требует критического осмысления самого себя и своих действий, занятие рефлексивной дистанции по отношению к своему «я хочу» и «я могу», а порою и переосмысления «я должен».

Итак, мы рассмотрели понятие доверия к себе и теоретическую модель этого феномена, предложенные Т. П. Скрипкиной. Обобщая, доверие к себе, согласно исследовательнице, имеет следующие существенные черты:

- этот феномен описывается как чувство безопасности и значимости своего внутреннего мира;
- проявляется как особое отношение к себе — самоценность субъекта и мира, в котором он живет;
- основано на стремлении личности к целостности;
- переживается как внутреннее согласие, единство побуждений, способностей и ценностей личности.

Но даже такой обстоятельный анализ, на который мы опираемся как на одно из теоретических оснований, кажется неполным без более глубокого теоретического осмысления того, что такое «себе», личность, субъект — о чем вообще идет речь, когда мы говорим о доверии к себе? На это уже чисто философский вопрос попробуем ответить далее, рассмотрев два полярных ответа из множества возможных.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ ДОВЕРИЯ К СЕБЕ В ЧЕЛОВЕКОЦЕНТРИРОВАННОМ ПОДХОДЕ К. РОДЖЕРСА И ПЕРСОНОЛОГИИ Е. Б. СТАРОВОЙТЕНКО

А. Б. Купрейченко вслед за Т. П. Скрипкиной отмечает, что в отличие от веры доверие основано на отношении субъекта и объекта, на соприкосновении субъективного и объективного (Купрейченко, 2008: 42–43). Вера не нуждается в этом опытном соприкосновении со своим предметом (она основана на акте безусловного принятия). Напротив, доверие в этом опыте получает свое подлинное проявление. Кажется, что это важная мысль для понимания сущности доверия к себе. Кто тот субъект, который «на опыте» доверяет себе? В доверии к себе помимо проблемы определения того, что значит «доверять», кроется вторая не менее серьезная проблема — что значит «себе»?

Рассмотрим понимание доверия к себе в человекоцентрированном подходе и попробуем описать персонологическую модель личности, доверяющей себе, чтобы показать, возможно, два противоположных полюса на условной шкале концепций субъектности. Также в этой части работы стоит задача проанализировать проблемную ситуацию или противоречие, которое может заключаться в каждой из концепций (в человекоцентрированном подходе и предложенной персонологической модели).

Начнем с человекоцентрированного подхода К. Роджерса. Он относится к организмическим концепциям, которые рассматривают человека как живой

организм — целостную саморегулирующуюся систему, стремящуюся к актуализации своих жизненных возможностей. Другим известным психотерапевтическим учением этого типа является гештальт-терапия (и гештальт-психология как одна из ее основ). В челокоцентрированном подходе есть несколько важных для нашей темы понятий: «Я-концепция», «ценностная система», «сознание», «опыт», «организмический ценностный процесс», «актуализирующая тенденция».

Сознание — это функция символизации опыта, часть которого, будучи осмыслена и символически запечатлена, составляет Я-концепцию человека (Роджерс, 2016: 142–143). Опыт — шире того, что сознается и что человек считает собой (Я-концепция), в него входит также то, что вытеснено из сознания или не является актуальным для осознания, но потенциально может быть осознанно (например, висцеральные ощущения в теле во время написания текста). Организм человека — это средоточие, центр всей полноты опыта (Роджерс, 2014). Ему присущ т. н. организмический ценностный процесс — «врожденный и непрекращающийся внутренний процесс ценностного выбора такого поведения, результатом которого становится укрепление организма человека» (Галкина, Орлов, 2019: 257). Однако человек рождается и живет в культуре, поэтому он получает от нее, в первую очередь, от значимых других, такие ценности и установки, которые могут противоречить или даже подавлять организмический ценностный процесс. Такие интроекты есть у каждого индивида, и они образуют собой то, что исследователи называют «ценностной системой» (там же). Ребенок утрачивает связь с природной «мудростью организма», чтобы его любили, чтобы быть принятым другими, стать членом сообщества. Он создает ригидную по отношению к изменчивому опыту организма ценностную систему, которая является важной составляющей его Я-концепции. Связь с организмическим «разумом» может быть восстановлена, так как ценностный процесс продолжается в человеке, пока он жив, как проявление присущей организму от рождения актуализирующей тенденции (Роджерс, 2014). Актуализирующая тенденция — «это врожденная тенденция организма развивать все свои способности в направлении, которое служит поддержке и развитию организма» (Роджерс, 2016: 141). Эта присущая всему живому тенденция есть своего рода аксиома роджерианского подхода, из которой делается заключение о «позитивной» природе человека. Несмотря на то, что вести себя человек может по-разному: «негативно» (ярким примером чего будет самоубийство) или «позитивно» (например, сочинить прекрасную симфонию или перевести бабушку через дорогу). Разнообразие наблюдаемого поведения от деструктивного до конструктивного или творческого объясняется условиями, в которых

существует и развивается человек, также как клубень картофеля будет развиваться различно в огороде или в темном погребе (Колпачников, 2018: 107).

Относительно нашей темы доверия к себе проблемная ситуация (противоречие) с точки зрения человекоцентрированного подхода может быть описана так: человек может доверять своей ценностной системе (например, представлениям о том, каким должен быть настоящий мужчина, как ведет себя в отношениях порядочная женщина или что «друзьям нельзя отказывать») или же своим целостным телесным ощущениям-чувствам в конкретной ситуации (ощущениям дискомфорта и удовольствия, дыханию, мышечным напряжениям и связанным с ними, возможно, заблокированными чувствами, которые говорят о подлинном отношении к ситуации, интуитивным ощущениям, когда говорят: «Нутром чую»), т. е. опираться на дорефлексивный организмический ценностный процесс. К. Роджерс так сформулировал это противоречие: «Глубинное расхождение между нашими понятиями и тем, что мы действительно ощущаем, между интеллектуальной структурой наших ценностей и ценностным процессом, неосознанно протекающим в нас, — часть фундаментального отчуждения современного человека от самого себя» (Роджерс, 2014: 185).

В человекоцентрированном подходе доверять себе — значит полагаться на свой опыт. При этом «опыт» — это не просто опыт прожитого, но, в первую очередь, актуальный, проживаемый здесь и сейчас целостный организмический опыт, который может не осознаваться, не быть символизированным и включенным в Я-концепцию. Сознательно человек может доверять актуальному организмическому ценностному процессу или же доверять, опираться на ценности, принятые извне, лишь когнитивно осмысленные им. Между его сознательными ценностями, составляющими образ его Я, и реальным опытом организмического ценения может возникать противоречие. Например, человек не хочет есть, но уже время обеда — значит надо поесть! И если он выбирает поесть, при этом не чувствуя голода, то он опирается не на организмический ценностный процесс, а на усвоенные интроекты (как надо себя вести).

Выявленное противоречие можно описать по-другому. Я-концепция — это самоидентичность, формирующаяся не только на основе организмического опыта, но и опыта культурного. Противоречие между «культурой» и «природой» отражается и на Я-концепции: возможно рассогласование Я-концепции человека с его актуальным опытом, опытом организма (ощущениями, общим состоянием, чувствами, потребностями) по причине его неприемлемости или незначительности с точки зрения усвоенных культурных норм и сформированных представлений о себе. Поэтому задача терапии не только сделать заблокированный опыт доступным для осознания, но и постепенно изменить самоидентичность (Я-концепцию), которая допускает и принимает в себя те

или иные части опыта. С ростом доверия своему целостному опыту изменяется и Я-концепция человека, которая становится более гибкой и подвижной, учитывающей все актуально возникающие ощущения, эмоции и мысли. Вероятно, в этом и состоит возможное разрешение данного противоречия.

Интересно в связи с вышеизложенным оригинальная трактовка А. Б. Орловым и Е. В. Галкиной личности. Организм понимается ими как «ядро личности», а культурно сформированное «Я» как ее оболочка, между которыми может существовать противоречие: «Между потребностями *организма* («ядра» личности) и «Я» («оболочки» личности) *существует противоречие*, разрешение которого может либо способствовать, либо препятствовать тенденции к самоактуализации» (Галкина, Орлов, 2019: 261; курсив источника. — А. Б.). Если принять такую трактовку личности, тогда доверие к себе — это контакт с таким организмом-собой, с «ядром» личности. Предположительно, доверие организмическому ценностному процессу приводит (или может привести) к аутентичности поведения, спонтанности реакций, импровизации, творческим решениям. Если вспомнить общее определение доверия Т. П. Скрипкиной, то феноменологически доверие к себе в контексте человекоцентрированного подхода может быть описано как чувство безопасности рядом со своим изменчивым организмическим опытом и осознание его значимости — принятие его таким, какой он есть.

Также одним из проявлений (признаков) такого доверия себе будет глубокое внутреннее согласие с собой или, говоря иначе, согласованность тенденции организма к актуализации и личностной тенденции к самоактуализации. Ведь противоречие между организмическим ценностным процессом и ценностной системой можно описать в других терминах. В. В. Колпачников формулирует его как противоречие между присущей организму актуализирующей тенденцией и тенденцией к самоактуализации Я (Колпачников, 2018). Последняя связана с Я-концепцией и может полностью не совпадать или даже противоречить актуализирующей тенденции организма. Например, Я-концепция часто предполагает насилие или пренебрежение к состоянию организма ради достижения амбиций и личных целей (не спать ночами, чтобы написать кандидатскую диссертацию, закончить проект и т. п.). Аутентичная самоактуализация возможна при совпадении организмической тенденции к актуализации и стремлений «Я» утверждать и развивать себя (там же).

Итак, в человекоцентрированном подходе можно зафиксировать два вида доверия к «себе» (по объекту доверия) — доверие к ценностной системе Я-концепции и доверие к организму, ценностному организмическому процессу.

Если вышеизложенное верно, личность в человекоцентрированном подходе понимается как сознательный организм или, точнее, как имеющая определенную степень согласованности связь (соответствие) Я-концепции и организмического ценностного процесса (актуализирующей тенденции организма), как единство духовного и материального начал человека (холистическая теория личности). В отличие от такой точки зрения понимание личности в персонологии ближе к духовному полюсу.

Е. Б. Старовойтенко пишет, что в персонологии «смысловым ядром “личности” становится индивидуальная телесно-душевно-духовно-деятельная **сущность** человека в ее жизненном осуществлении, а также в данности миру, другим, себе» (Старовойтенко, 2015: 11; здесь и далее полужирный шрифт источника. — А. Б.). Т. е. личность включает в себя все основные и традиционные еще для немецкой классической философии «свойства», атрибуты человека (телесность, душу, дух, деятельность в полноте осуществления бытия в мире, бытия с другими, бытия для себя). Под это определение подходит любая конкретная индивидуальная личность во всех ее возможных ипостасях (биологической, социально-психологической, онтологической, культурной, познавательной и т. п.). Такое определение личности крайне широкое, однако далее на примере анализа рефлексивной модели «Я» в персонологии мы попытаемся показать, в чем заключается его возможное своеобразие.

По мере чтения книги Е. Б. Старовойтенко «Персонология: жизнь личности в культуре» складывается убеждение, что персонология — это не только авторская теория личности, но и, в первую очередь, метатеория, которая предлагает категории и иные методологические инструменты для осмысления личностных феноменов (там же). В персонологии проблема доверия личности к себе не была поставлена во всей полноте, так как это не главная задача этого проекта. Но очевидно, что на основе категорий и теоретических моделей персонологии можно поставить эту проблему или хотя бы предположить, как она могла бы быть поставлена, и описать ее.

Сначала кажется верным обратиться к рассмотрению того, что такое «Я» с персонологической точки зрения и разобраться, какие из описанных в персонологии трудностей с понимаем «Я» подойдут для нашей задачи в рамках данного исследования: найти противоречие или проблемную ситуацию, связанную с темой доверия к себе, чтобы в сравнении с человекоцентрированной концепцией высветить своеобразие каждой из теорий личности.

Наверное, можно сказать, что для персонолога «Я» — это и есть уникальная личность. И хотя, как пишет Е. Б. Старовойтенко, «Я присуще свойство **телесности**, обладания “только этим” телом как уникальным пространственно-временным объектом среди других тел, как единичным фрагментом

телесного опыта мира» (там же: 376), само «Я» не есть телесность, не есть организм (если, конечно, в данном контексте «организм» и «телесность» можно считать синонимами). Субъект «Я» обладает телом, телесность — лишь одно из многочисленных свойств «Я». Вероятно, что под «Я» личности, под ее «ядром» в персонологии понимается, в первую очередь, сознающий и мыслящий субъект. Который соотносится с другими, берет свою идентичность из отношения с другими и собой. Поэтому «Я» личности рефлексивно и диалогично (там же: 379). Если «Я» — это центр личности, то она понимается скорее как духовное существо, как сложноорганизованный субъект рефлексии. Вероятно, это понимание личности идет от идеи картезианского мыслящего субъекта, который в несомненности акта собственного мышления убеждается в своем бытии (*cogito ergo sum* — я есть, раз есть акт мышления). Из этой самодостовой истины, схватываемой в своей ясности и отчетливости («Я есть мыслящая субстанция»³), с необходимостью следует, что то, что мне противостоит, есть субстанция не мыслящая, а протяженная («тело»). Изучать объективно можно только тело, протяженность, но не самого себя, так как я сам, а точнее акт моего мышления — самое простое, первое, ясное и несомненное, что является основанием любого познания. Внутри картезианского понимания субъекта организм рассматривается как машина, которую можно изучать. Организм при этом не обладает субъектностью, он как раз та самая противостоящая субъекту объективная протяженность, над которой можно проводить различные операции: познавательные, медицинские, эстетические, мобилизационные и т. п. Это так глубоко вошло в нашу культуру, что помыслить иначе почти невозможно. Сам русский язык строится так, что местоимение «я» употребляется в нем как подлежащее или субъект, обладающий телесностью как своим атрибутом.

Однако вернемся к персонологии. Кажется очевидным, что феномен доверия к себе относится к пространству самоотношения личности. Е. Б. Старовойтенко выделяет четыре модели самоотношения личности: культурногенетическая (на основе идей М. Фуко), рефлексивная (С. Л. Рубинштейн), диалогическая (М. М. Бахтин), феноменологическая (М. К. Мамардашвили). Вероятно, доверие к себе можно осмыслить с помощью предложенной Е. Б. Старовойтенко модели рефлексивного развития отношения к себе С. Л. Рубинштейна (там же: 390).

Рефлексия — самопознание в различных аспектах, субъект-объектное и субъект-субъектное отношение личности к себе (там же). Будем исходить из

³ В «Рассуждении о методе» Р. Декарт писал: «...я — субстанция, вся сущность, или природа, которой состоит в мышлении и которая для своего бытия не нуждается ни в каком месте и не зависит ни от какой материальной вещи» (Декарт, 2018: 105).

предположения, что доверие к себе предполагает знакомство с собой, знание о своих качествах, ограничениях и способностях, осознание своего прошлого опыта и актуального состояния. Также доверие — это субъект-объектное отношение, которое «проверяется» на опыте. Однако в рефлексии самосознающий субъект понимает, что никогда не знает себя полностью, что его Я «ускользает» от объективации, ведь встреча с собой «напрямую» как с объектом познания и внутреннего восприятия невозможна (как глаз не может видеть самого себя).

В какой-то мере человек как субъект мышления всегда остается для себя «другим» в нескольких смыслах: как уже было сказано выше, он не осознает себя непосредственно, так как он является тем, кто осознает; он понимает, что для себя не познаваем до конца, ведь всегда есть какие-то неизвестные его «части», стороны опыта (в бессознательном); когда человек заботится о себе или злится на себя, оно относится к себе как к другому, как бы берет это отношение из межличностного взаимодействия, «переносит» на себя (интериоризует)⁴; Я человека изменяется и может быть другим по отношению к прошлому себе и т. д. Е. Б. Старовойтенко и С. А. Щебетенко используют категорию Я-неизвестного, чтобы описать область «другого в себе» (Старовойтенко, Щебетенко, 2020). Т. е. Я в отношении с собой, рефлексивно себя, понимает, что есть Я для себя неизвестное, которое только потенциально может стать «мною», реализоваться или нет. Эта «другость» задается самим пространством рефлексивного мышления, в процессе которого Я раздваивается и каким-то образом относится к самому себе, а в экзистенциальном смысле создает и реализует проект самого себя. Поэтому перспектива Я-неизвестного есть всегда как для субъекта рефлексии, так и для экзистенциального проекта самого себя, для бытия личности в мире, для ее жизненного пути.

Проблемная ситуация с точки зрения рефлексивной модели отношения к себе может быть такой: как доверять себе, если не знаешь себя полностью? Или иначе: если знаешь, что есть какое-то неизвестное «Я», неизвестная часть себя самого? Как довериться, вручить себя незнакомому «другому в себе»? Можно ли при этом чувствовать себя в безопасности рядом с собой и переживать свою значимость, самоценность? Возможно, разрешение этого противоречия заключено в осознании и принятии своей целостности, в интеграции частей «Я» в искусстве, психотерапии, религиозном переживании, философской

⁴ Полагаем, будет верным считать доверие первоначально (в оттогенезе) возникающим как межличностный феномен. Так же, как ребенок доверяет родителям, со временем он начинает доверять себе. Т. е. в основе доверия к себе лежит интериоризация «внешне направленного» доверия к другому. Когда доверяешь себе, относишься к самому себе как к другому (в какой-то степени).

рефлексии, личностном поступке. Доверие к себе в таком случае будет включать и полагание на Я-неизвестное, переживание значимости и надежности целого себя (знаемого и незнаемого) для движения по пути своей жизни. Конечно, такое доверие к себе и постулируемая целостность будет отличаться от доверия организмическому процессу в человекоцентрированном подходе. Как было показано, организм в персонологии является только частью личности, скорее ее атрибутом, говоря философским языком, и не рассматривается как ее глубинный центр и «средоточие опыта».

Итак, нами был кратко рассмотрен феномен доверия к себе в различных аспектах. На основе понятия «доверие к себе», предложенного Т. П. Скрипкиной, было показано, как можно истолковать доверие к себе с точки зрения человекоцентрированного подхода К. Роджерса и персонологии Е. В. Старовойтенко. Было выявлено две проблемные ситуации (противоречия). В человекоцентрированном подходе — это возможное противоречие между потребностями организма (организмическим ценностным процессом) и Я-концепцией (ценностной системой). Было показано, что продуктивное доверие к себе понимается здесь как контакт с целостным опытом организма, а не с рефлексивным уровнем ценностей Я-концепции, которые часто препятствуют этому контакту. Поэтому разрешение противоречия может состоять в том, чтобы изменить Я-концепцию, которая станет более согласующейся с организмическим ценностным процессом, а само бытие человека более целостным и конгруэнтным. В рассмотренной персонологической модели рефлексивного самоотношения личности возможное противоречие коренится в том факте, что человек в принципе не может объять себя в рефлексии, которая формирует пространство отношения субъекта к самому себе, отделяет его от себя. В результате человек осознает, что не знает себя полностью: что есть Я-известное и Я-неизвестное, на которое не понятно, можно ли вообще полагаться (как доверять себе, если себя не знаешь?). Возможно, выходом из противоречия будет интуиция или осознание своей целостности, переживание единства самого себя (знаемого и незнаемого) в искусстве, психотерапии, религиозном переживании, поступке. И хотя обе концепции делают акценты на противоположном понимании сущности личности (организмический процесс и субъект рефлексии), каждая из них, опять же по-своему, постулирует целостность человека, в которой, на наш взгляд, находится ключ к решению описанных противоречий.

Персонологическая модель рефлексивного субъекта и концепция организмического процесса К. Роджерса — это в чем-то сильно отличные, возможно, даже противоречащие друг другу способы бытия человека или различные практики субъекта (М. Фуко). Назовем их, пока условно, практикой полноценно функционирующего человека (Роджерс, 1994) и практикой субъекта

рефлексии. Если субъект рефлексии рождается в процессе культурогенеза и постепенно занимает в нем центральное место (М. Фуко, Л. С. Выготский), то полноценно функционирующий человек есть цель своего рода контркультурной практики, которая, конечно, не может быть не встроена в общее движение культуры, но скорее, как ее маргинальная, периферийная часть, а не как центр и двигатель культурного развития. Однако ситуацию можно помыслить иначе. Если верно, что согласно культурно-исторической теории происхождения психики Л. С. Выготского человек развивается через овладение собой, функциями своей психики, что предполагает развитие и возвращение себя как субъекта мышления и воли⁵, то антитезисом к этой стадии «личности» будет потеря контроля над собой: воля, мысль и чувство без «хозяина», ими владеющего. Возможно, что синтезом для этих двух противоположностей будет полноценно функционирующий человек, «Я» которого не растворяется в функциях психики и не владеет или контролирует их, а становится согласованным и включенным в целостное движение организма, обладающего сознанием.

Сравнение человекоцентрированного подхода и персонологии нужно было для того, чтобы лучше показать специфику возможного понимания доверия к себе в человекоцентрированном подходе. Следующим шагом наметим контуры возможных теоретических оснований для эмпирического исследования.

ДОВЕРИЕ К СЕБЕ В ПРАКТИКЕ ЧЕЛОВЕКОЦЕНТРИРОВАННОГО ПСИХОТЕРАПЕВТА. ГИПОТЕЗА О ВОЗМОЖНОЙ СВЯЗИ С ИНТУИТИВНЫМ ОТКЛИКОМ

Интересно было бы эмпирически проверить, как практикующие человекоцентрированные терапевты понимают доверие к себе. Что такое для них интуитивный отклик и прослеживается ли связь между доверием к себе и интуитивным откликом? Наша гипотеза: доверие к себе (как контакт с организмическим ценностным процессом) является одним из условий интуитивного отклика психотерапевта.

К. Роджерс характеризует полноценно функционирующего человека как того, кто доверяет себе — не только процессу осознания, но и бессознательному «разуму», ценностному процессу организма. Так, характеризуя последнюю, седьмую стадию психотерапии (а также развития личности), он пишет:

⁵ «Сущность культурного развития, как мы видели, заключается в том, что человек овладевает процессами собственного поведения, но необходимой предпосылкой для овладения является образование личности...» (Выготский, 1983: 316).

«Наблюдается растущее и длительное ощущение принадлежности чувств, принятых клиентом, а также имеющее основу доверие к процессу, происходящему в нем. Это доверие первоначально не к идущим процессам осознания, а скорее к целостному организмическому процессу» (Роджерс, 1994: 200; курсив источника. — А. Б.).

Доверие «себе» как изменчивой живой целостности организма и сознания (сознательного организма) К. Роджерс распространяет не только на клиента, но, конечно, также и на самого терапевта. В знаменитом кейсе с Джен он неоднократно обращается к интуиции и бессознательному разуму. Описав интуитивный отклик Джен о том, кем может быть тот близкий человек, который ей поможет (она сама — маленькая девочка в глубине ее души), К. Роджерс отмечает, что в такие моменты его «бессознательный интеллект принимает на себя ведение дел. Я знаю гораздо больше, нежели осознает мой сознательный разум. Я не формирую мои реакции сознательно, они просто возникают во мне, из моего неосознанного ощущения мира другого человека» (Роджерс, 2001: 56). М. Боуэн в своей работе «Духовность и личностно-центрированный подход» пишет, что сознательный разум или рассудок — это преграда на пути к самому себе, к своему Внутреннему Я, которое по смыслу близко к тому, что выше мы называли организмическим ценностным процессом (Боуэн, 1992). И подлинная задача психотерапии устранить эту преграду, «успокоить» и упорядочить рассудок, чтобы получить доступ к Внутреннему Я (там же: 30). При чем это задача не только для клиента, а в первую очередь для самого терапевта.

Интуитивный отклик рождается не только из доверия терапевта к себе, но и из его доверия к мудрости организмического процесса клиента, что, например, можно проиллюстрировать следующими словами К. Роджерса по поводу сессии с Джен: «В каком отношении к ее проблемам находится разыгрывание ею роли озорной маленькой девочки? Этого я не знаю, но я глубоко доверяю ее неосознаваемому уму, который обратился к областям, более релевантным ее страхам» (Роджерс, 2001: 54). Это доверие терапевта важно для самого клиента, т. е. для Джен, так как «испытывая доверие, ее организм, ее неосознаваемый разум — называйте это как угодно — может пройти по пути, ведущему в направлении решающих пунктов» (там же: 57). Речь идет уже не просто о доверии к себе, а об атмосфере доверия или атмосфере безопасности и ценности отношений между двумя людьми.

Итак, доверие мудрости организма (своему неосознаваемому уму, второй рациональности помимо сознания) ведет терапевта к интуиции видения мира другого и точному отклику. Этот отклик фасилитирует в клиенте работу «неосознаваемого разума» — организмического ценностного процесса, который стремится к росту и исцелению. К. Роджерс замечает, что подобные

интуитивные отклики, попадающие точно в «цель», рождаются как бы в измененном состоянии сознания, когда даже одного присутствия терапевта может быть достаточно для помощи клиенту (там же: 50).

Обращение К. Роджерса к интуиции, описание интуитивного отклика со стороны может выглядеть логическим следствием понимания им природы человеческой субъектности. Еще А. Бергсон пытался описать интуицию как особую способность, эволюционно возникающую в единстве с интеллектом, но дополняющую и в каких-то аспектах превосходящую последний. Согласно французскому философу, именно интуиция позволяет симпатически проникать в суть явлений, ощущать единство с миром, переживать время-длительность. Интеллект же нацелен на косную материю, оперирует застывшими формами и повторениями (закономерностями) и поэтому его недостаточно для того, что понять процессуальность, текучесть жизни:

«Он противится текучести: все, к чему он прикоснется, затвердевает. Мы не мыслим реального времени, но проживаем его, ибо жизнь преодолевает границы интеллекта. Мы чувствуем нашу эволюцию и эволюцию всех вещей в чистой длительности, и чувство это обрисовывается вокруг собственно интеллектуального представления, как неясная дымка, исчезающая во мраке. И механицизм, и телеологизм принимают в расчет только светящееся ядро, блистающее в центре. Они забывают, что это ядро образовалось за счет остального путем сгущения и что нужно использовать все — и текучее, и уплотненное (первое даже более, чем второе), — чтобы постичь внутреннее движение жизни. По правде говоря, если существует эта дымка, пусть неясная и ускользающая, она должна быть для философа еще более важной, чем облекаемое ею светящееся ядро. Ибо только ее наличие и позволяет нам утверждать, что ядро есть ядро, что чистый интеллект представляет собой сужение — путем сгущения — иной, более обширной способности. И именно потому, что эта смутная интуиция не оказывает никакой помощи в руководстве нашим действием на вещи, действием, целиком локализованным на поверхности реального, — и можно предположить, что она проявляет свою силу не на поверхности, а в глубине» (Бергсон, 2019: 77).

Эти слова А. Бергсона об интуиции очень похожи на описание К. Роджерсом организмического ценностного процесса, который действует не на поверхности когнитивного сознания, а скорее остается фоном («неясной дымкой») для него. Тем не менее, этот процесс более фундаментален, протекает в глубине жизни (организма), а сознание рождается и «сгущается» из него, если воспользоваться метафорой А. Бергсона. По его мысли, существует два начала

жизни, которые охватывают собой эволюцию всего живого: инстинкт и интеллект. Интуиция — это осознающий себя инстинкт, то начало жизни в человеке, которое позволяет расширить сознание, проникать внутрь самой жизни, т. е. в область «бесконечно продолжающегося творчества» (там же: 186). Но без света сознательного интеллекта интуиция будет слепым инстинктом и «останется связанной с особым, практически интересующим ее предметом, направляющим ее вовне — в двигательные реакции» (там же). Таким образом, интеллект и интуиция составляют неразрывную цельность, из которой их можно вычленять лишь условно, в целях философского анализа.

Не будем далее углубляться в философию А. Бергсона, заметим только, что прослеживаются очевидные параллели с мыслью К. Роджерса. Помимо схожести интуиции с организмическим ценностным процессом важной является идея о процессуальности жизни, которая ускользает от интеллекта, но открыта интуитивному переживанию или ощущению. От этой идеи один шаг к представлению американского психолога о полноценно функционирующем человеке, субъектность которого описывается и переживается как процесс (Rogers, 1959: 234–235). Такой человек открыт своему текущему опыту, доверяет себе как постоянно изменяющемуся процессу. При этом он по-настоящему един и целостен: противоречие между застывшей Я-концепцией и изменяющимся опытом отсутствует, первая меняется вместе с изменением второго⁶. Само «Я» человека становится подвижным, осмысляется и переживается им как процесс, как всегда подвижным и процессуальным является организм: «Я становится все более субъективным рефлексивным осознанием внутреннего опыта. Я гораздо реже выступает как воспринимаемый объект и гораздо чаще как что-то, чувствуемое как процесс» (Роджерс, 1994: 201).

Таким образом, процессуальность человека в человекоцентрированном подходе является психотерапевтической целью и одновременно теоретическим основанием, от которого он отталкивается. Эта процессуальность уже есть в организме — в присутствии ему процессе ценения. Однако он может быть подавлен, не доступен в полной мере для осознания по причине описанного выше противоречия между Я-концепцией и организмическим опытом, культурным и природным началом человеческой жизни. Целительный интуитивный отклик терапевта возможен тогда, когда он доверяет своему организмическому процессу, а также аналогичному процессу клиента.

⁶ “His *self-structure* will be a fluid gestalt, changing flexibly in the process of assimilation of new experience” (Rogers, 1959: 234; курсив источника. — А. Б.).

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ДОВЕРИЯ К СЕБЕ В ЧЕЛОВЕКОЦЕНТРИРОВАННОМ ПОДХОДЕ

На основе проведенного теоретического анализа построим теоретическую модель феномена доверия к себе в человекоцентрированном подходе. Она, вероятно, будет скорректирована после проведения эмпирической части исследования, поэтому носит предварительный характер.

Теоретическая модель феномена доверия к себе в человекоцентрированном подходе:

1) Доверие к себе есть сознательный контакт (выбор за чем следовать) с организмическим ценностным процессом, а не с ценностной системой Я-концепции.

2) Доверие к себе основывается на понимании собственной субъектности как целостного процесса, в котором сознание и организм представляют собой единое «текущее» целое.

3) Доверие к себе есть переживание безопасности (надежности) и самоценности (значимости) самого себя как развивающегося единства сознания и организма (как сознательного организма).

4) Возможные следствия доверия к себе для поведения в повседневной жизни: аутентичность поведения, конгруэнтность самовыражения, импровизация, спонтанность, творческое приспособление, надситуативная активность. Возможные следствия для терапевтического процесса: интуитивный отклик терапевта клиенту, сознание безопасности и субъективной значимости (ценности) отношений между терапевтом и клиентом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье были проанализированы понятие и модель доверия к себе Т. П. Скрипкиной. Отталкиваясь от этого анализа, проинтерпретирован феномен доверия к себе в человекоцентрированном подходе и персонологии. Было важно выявить проблемную ситуацию или противоречие, связанное с феноменом доверия к себе, чтобы продемонстрировать теоретическую или практическую актуальность его решения. Для человекоцентрированного подхода К. Роджерса доверие к себе есть переживание самоценности себя как целого сознания и организма, опора на свой организмический ценностный процесс. Личность может находиться в состоянии противоречия, когда представления о себе (Я-концепция) оказываются важнее и безопаснее для осознания, чем непосредственный организмический опыт. В таком случае потребности и

ценности «Я» могут заблокировать организмический процесс ценения, отделить человека от собственной жизненной основы. Решение данного практического противоречия в изменении Я-концепции, в приведении ее в соответствие с организмическим ценностным процессом, т. е. в обретении человеком своей целостности. В персонологической модели рефлексивного отношения личности к себе «Я» понимается как субъект рефлексии, в процессе которой «Я» обнаруживает, что себя не знает. Есть «Я-неизвестное», в котором и заключено противоречие доверия к себе: как личность может чувствовать самоценность и надежность внутреннего опыта, самой себя, если она мультисубъектна — если есть части ее, которые она не знает и которые недоступны для осознания. Решение противоречия тоже практическое: оно в интеграции, в достижении личностью своей целостности.

Однако эти целостности понимаются по-разному. В человекоцентрированном подходе субъектность человека — это целостность организмического процесса, сознания и гибкой Я-концепции, что говорит об **идеи процессуальности личности**, а в персонологической модели — целостность рефлексивного субъекта (Я-известного и Я-неизвестного), что говорит об **идеи субстанциальности личности**. Вероятно, у этих двух концепций личности разные философские основания: картезианский субъект мышления в персонологии и процессуальность «сознательного организма» в человекоцентрированном подходе. Процессуальность целого сознания-организма в подходе К. Роджерса была нами подсвечена с помощью идеи интуиции А. Бергсона, между которыми можно найти очевидные сходства. Отход от идеи личности как субстанции или как сложноорганизованной структуры субъекта в сторону идеи личности как процесса усложняет понимание подхода К. Роджерса, психотерапевтическое учение которого критиковали как раз за отсутствие разработанной теоретической структуры личности. Однако такая критика не учитывала его идею-интуицию процессуальности человека, которая, вероятно, имеет свойство превращаться в отсутствие структуры, когда описывается с помощью языка и рассматривается в привычной для науки оптике картезианского субъекта мышления.

Также для эмпирического исследования была высказана гипотеза, что интуитивный отклик терапевта может являться следствием его доверия к себе в описанном выше смысле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абульханова-Славская, К. А. (1991) Стратегия жизни. М. : Мысль. 299, [2] с. EDN: [SGBTRN](#)

Астанина, Н. Б. (2010а) Развитие представлений о доверии как о психологическом феномене в зарубежной науке // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. Т. 16. № 1. С. 139–143. EDN: [MWLVCS](#)

Астанина, Н. Б. (2010b) Создание и апробация нового личностного опросника «Методика изучения доверия к себе» [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Психологическая наука и образование». № 3. С. 159–172. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2010_n3/psyedu_2010_n3_Astaniina.pdf [архивировано в [Wayback Machine](#)] (дата обращения: 07.06.2023). EDN: [MSTCUD](#)

Бергсон, А. (2019) Творческая эволюция / пер. с фр. В. Флёровой. М. : Академический проект. 319 с.

Биличенко, Е. Н. (2012) Доверие к себе как фактор самоактуализации личности // Теория и практика общественного развития. № 9. С. 92–94. EDN: [NPMFTO](#)

Большой психологический словарь (2002) / сост. и общ. ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. М. : АСТ ; АСТ-Москва. 632 с.

Боуэн, М. (1992) Духовность и личностно-центрированный подход / пер. с англ.: Л. И. Двуреченская, Г. С. Кожухарь, А. Б. Орлов, М. А. Хазанова // Вопросы психологии. № 3–4. С. 24–33. EDN: [SXPZWB](#)

Булюбаш, И. Д. (2022) Руководство по гештальт-терапии. М. : Академический проект. 676 с.

Выготский, Л. С. (1983) Собр. соч. : в 6 т. М. : Педагогика. Т. 3: Проблемы развития психики. 368 с.

Галкина, Е. В., Орлов, А. Б. (2019) Ценностный процесс и ценностная система как ориентиры самоисследования // Мир психологии. № 3 (99). С. 256–271. EDN: [RQVGKL](#)

Голубь, О. В. (2004) Доверие к себе как внутриличностное образование старших подростков : дис. ... канд. псих. н.: 19.00.03. Ростов-на-Дону. 199 с. EDN: [NMWQVP](#)

Декарт, Р. (2018) «Рассуждение о методе...» и другие произведения, написанные в период с 1627 г. по 1649 г. / пер. с лат. и фр. 4-е изд. М. : Академический проект. 322 с.

Ильин, Е. П. (2013) Психология доверия. СПб. : Питер. 288 с. EDN: [SDRKSD](#)

Караваева, Л. П., Тарасова, Л. В. (2020) Доверие к себе как основа позитивного функционирования личности // Общество: социология, психология, педагогика. № 7 (75). С. 83–87. EDN: [YELGAU](#). DOI: [10.24158/spp.2020.7.13](https://doi.org/10.24158/spp.2020.7.13)

Колпачников, В. В. (2018) Соотношение тенденций к актуализации и к самоактуализации в человекоцентрированном подходе // Мир психологии. № 3 (95). С. 104–113. EDN: [YOTWAN](#)

Купрейченко, А. Б. (2008) Психология доверия и недоверия. М. : Ин-т психологии РАН. 569, [1] с. EDN: [QCTDHR](#)

Леонова, И. Ю. (2017) Влияние доверия к себе на склонность к виктимному поведению // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. Т. 27. № 3. С. 322–328. EDN: [ZQP VXJ](#)

Московичи, С. (2020) Век толп. Исторический трактат по психологии масс / пер. с фр. Т. П. Емельяновой. М. : Академический проект. 396 с.

Роджерс, К. (1994) Взгляд на психотерапию. Становление человека / пер. с англ., общ. ред. и предисл. Е. И. Исениной. М. : Прогресс ; Универс. 480 с.

Роджерс, К. (2001) Клиентоцентрированный/человекоцентрированный подход в психотерапии / пер. с англ.: Э. В. Матюхина, А. Б. Орлов, А. Ю. Шевелева // Вопросы психологии. № 2. С. 48–58. EDN: [NBEUND](#)

Роджерс, К. Р. (2014) Современный подход к ценностному процессу // Ежегодник по консультативной психологии, коучингу и консалтингу. Вып. 1 / под ред. В. Ю. Меновщикова, А. Б. Орлова. М. : ФПК-Институт. 200 с. С. 180–195. EDN: [ZJDQCL](#)

Роджерс, К. Р. (2016) Теория терапии, личности и межличностных отношений в рамках клиент-центрированного подхода // Ежегодник по консультативной психологии, коучингу и консалтингу. Вып. 3 / под ред. В. Ю. Меновщикова, А. Б. Орлова. М. : ФПК-Институт. 208 с. С. 130–198.

Роджерс, К., Фрейберг, Дж. (2019) Свобода учиться / пер. с англ.: А. Б. Орлов, С. С. Степанов, Е. Ю. Патяева. 2-е изд. М. : Смысл. 527 с. EDN: [ZGVQGF](#)

Рунец, О. В. (2018) Доверие профессионала к себе в помогающих профессиях социономического типа (на примере профессии фельдшера скорой медицинской помощи) : дис. ... канд. псих. н. : 19.00.03. М. 170 с. EDN: [BVHWUH](#)

Скрипкина, Т. П. (2000) Психология доверия : учебное пособие. М. : Изд. центр «Академия». 264 с. EDN: [QXTIOJ](#)

Старовойтенко, Е. Б. (2015) Персонология: жизнь личности в культуре. М. : Академический проект. 431 с. EDN: [VRSFVH](#)

Старовойтенко, Е. Б., Щебетенко, С. А. (2020) Я-неизвестное в достижении самотождества и самопреобразовании личности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. Т. 17. № 4. С. 757–778. EDN: [DCYUJU](#). DOI: [10.17323/1813-8918-2020-4-757-778](#)

Сунцова, Я. С. (2020) Психологическое благополучие личности в связи с доверием к себе и людям // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. Т. 30. № 1. С. 33–47. EDN: [ELPXYN](#). DOI: [10.35634/2412-9550-2020-30-1-33-47](#)

Фромм, Э. (2009) Человек для самого себя. Революция надежды. Душа человека. М. : АСТ ; АСТ МОСКВА. 763, [2] с. EDN: [QXWLWP](#)

Фукуяма, Ф. (2004) Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ.: Д. Павлова, В. Кирющенко, М. Колопотин. М. : АСТ ; Ермак. 730, [6] с.

Шостром, Э. (1992) Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор / пер. с англ. А. Малышевой. Минск : ГППЦ «Полифакт». 128 с.

Эрикссон, Э. (1996) Детство и общество / пер. с англ. А. А. Алексеева. Изд. 2-е, перераб. и доп. СПб. : Ленато ; АСТ ; Фонд «Университетская книга». 592 с. EDN: [RUUYWV](#)

Barbalet, J. (2019) The experience of trust: Its content and basis // Trust in contemporary society / ed. by M. Sasaki. Lieden ; Boston : Brill. xiv, 270 p. P. 11–30. (Series: International Comparative Social Studies, vol. 42). DOI: [10.1163/9789004390430_003](#)

Chuyko, H., Chaplak, Y., Koltunovych, T. (2020) Theoretical aspects of the problem of trust in psychology // Trends and prospects of the education system and educators' professional training development / ed. by M. Oliinyk, O. Clipa, M. Stawiak-Ososińska. Iasi, Romania : Lumen Publishing House. 536 p. P. 163–186. DOI: [10.18662/978-1-910129-28-9.ch011](#)

Govier, T. (1993) Self-trust, autonomy, and self-esteem // Hypatia. Vol. 8. Issue 1. P. 99–120. DOI: [10.1111/j.1527-2001.1993.tb00630.x](#)

Jourard, S. M. (1959) Healthy personality and self-disclosure // Mental Hygiene. Vol. 43. P. 499–507.

Lewicki, R. J., McAllister, D. J., Bies, R. J. (1998) Trust and distrust: New relationships and realities // The Academy of Management Review. Vol. 23. No. 3. P. 438–458. DOI: [10.2307/259288](#)

Misztal, B. A. (2019) Trust in habit: A way of coping in unsettled times // Trust in contemporary society / ed. by M. Sasaki. Lieden ; Boston : Brill. xiv, 270 p. P. 41–59. (Series: International Comparative Social Studies, vol. 42). DOI: [10.1163/9789004390430_005](#)

Rogers, C. R. (1959) A theory of therapy, personality and interpersonal relationships, as developed in the client-centered framework // Psychology: A study of a science. Study 1. Conceptual and systematic / ed. by S. Koch. N. Y. : McGraw-Hill. Vol. 3: Formulations of the person and the social context. P. 184–256.

Rogers, C. R. (1980) A way of being. Boston : Houghton Mifflin. x, 395 p.

Seligman, A. B. (1997) The problem of trust. Princeton, NJ : Princeton University Press. 231 p.

Дата поступления: 15.09.2023 г.

Дата принятия: 10.10.2023 г.

REFERENCES

Abulkhanova-Slavskaja, K. A. (1991) *Strategiia zhizni [Life strategy]*. Moscow : Mysl'. 299, [2] p. (In Russ.). EDN: [SGBTRN](#)

Astanina, N. B. (2010a) Razvitie predstavlenii o doverii kak o psikhologicheskom fenomene v zarubezhnoi nauke [Development of notion about trust as about psychological phenomenon in foreign science]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. Serii: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naiia rabota. Iuvenologiya. Sotsiokinetika*, vol. 16, no. 1, pp. 139–143. (In Russ.). EDN: [MWLVCB](#)

Astanina, N. B. (2010b) Sozdanie i aprobatsiia novogo lichnostnogo oprosnika «Metodika izucheniia doveriia k sebe» [Development and validation of a new personality questionnaire the “Method for Studying Trust to Own Self”]. *Elektronnyi zhurnal “Psikhologicheskaiia nauka i obrazovanie”*, no. 3, pp. 159–172. [online] Available at: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2010_n3/psyedu_2010_n3_Astanina.pdf [archived in [Wayback Machine](#)] (accessed 07.06.2023). (In Russ.). EDN: [MSTCUD](#)

Bergson, A. (2019) *Tvorcheskaia evoliutsiia [L'Évolution créatrice = Creative evolution]* / transl. from French by V. Flerova. Moscow : Akademicheskii proekt. 319 p. (In Russ.).

Bilichenko, E. N. (2012) Doverie k sebe kak faktor samoaktualizatsii lichnosti [Credibility as a factor of a person's self-actualization]. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, no. 9, pp. 92–94. (In Russ.). EDN: [NPMFTO](#)

Bol'shoi psikhologicheskii slovar' [Large psychological dictionary] (2002) / comp. and ed. by B. G. Meshcheriakov and V. P. Zinchenko. Moscow : AST ; AST-Moskva. 632 p. (In Russ.).

Bowen, M. (1992) Dukhovnost' i lichnostno-tsentrirovannyi podkhod [Spirituality and the person-centered approach] / transl. from English by L. I. Dvurechen-

skaia, G. S. Kozhukhar', A. B. Orlov and M. A. Khazanova. *Voprosy psikhologii*, no. 3–4, pp. 24–33. (In Russ.) EDN: [SXPZWB](#)

Buliubash, I. D. (2022) *Rukovodstvo po geshtal't-terapii [Guide to gestalt therapy]*. Moscow : Akademicheskii proekt. 676 p. (In Russ.).

Vygotsky, L. S. (1983) *Sobranie sochinenii [Works]* : in 6 vols. Moscow : Pedagogika. Vol. 3: Problemy razvitiia psikhiki [Problems of mental development]. 368 p. (In Russ.).

Galkina, E. V. and Orlov, A. B. (2019) Tsennostnyi protsess i tsennostnaia sistema kak orientiry samoissledovaniia [Valuing process and value system as landmarks for self-investigation]. *Mir psikhologii*, no. 3 (99), pp. 256–271. (In Russ.). EDN: [RQVGKL](#)

Golub', O. V. (2004) *Doverie k sebe kak vnutrichnostnoe obrazovanie starshikh podrostkov [Self-confidence as an intrapersonal education of older adolescents]* : Diss. ... Candidate of Psychology: 19.00.03. Rostov-on-Don. 199 p. (In Russ.). EDN: [NMWQVP](#)

Descartes, R. (2018) «*Rassuzhdenie o metode...*» i drugie proizvedeniia, napisannye v period s 1627 g. po 1649 g. [“*Discours sur la méthode*” et autres ouvrages écrits entre 1627 et 1649] / transl. from Latin and French. 4th edn. Moscow : Akademicheskii proekt. 322 p. (In Russ.).

Ilyin, E. P. (2013) *Psikhologiya doveriia [Psychology of trust]*. St. Petersburg : Piter. 288 p. (In Russ.). EDN: [SDRKSD](#)

Karavaeva, L. P. and Tarasova, L. V. (2020) Doverie k sebe kak osnova pozitivnogo funktsionirovaniia lichnosti [Self-trust as a foundation of personal positive functioning]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, no. 7 (75), pp. 83–87. (In Russ.). EDN: [YELGAU](#). DOI: [10.24158/spp.2020.7.13](#)

Kolpachnikov, V. V. (2018) Sootnoshenie tendentsii k aktualizatsii i k samoaktualizatsii v chelovekotsentrirovannom podkhode [Correlation of tendencies towards actualization and self-actualization in the person-centered approach]. *Mir psikhologii*, no. 3 (95), pp. 104–113. (In Russ.). EDN: [YOTWAH](#)

Kupreichenko, A. B. (2008) *Psikhologiya doveriia i nedoveriia [Psychology of trust and mistrust]*. Moscow : Institute of Psychology RAS. 569, [1] p. (In Russ.). EDN: [QCTDHR](#)

Leonova, I. Yu. (2017) Vliianie doveriia k sebe na sklonnost' k viktimnomu povedeniiu [Effect of self-confidence on predisposition to victim behavior]. *Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*, vol. 27, no. 3, pp. 322–328. (In Russ.). EDN: [ZQP VXJ](#)

Moskovici, S. (2020) *Vek tolp. Istoricheskii traktat po psikhologii mass [L'Age des foules: un traité historique de psychologie des masses = The age of the*

crowd: A historical treatise on mass psychology] / transl. from French by T. P. Emelianova. Moscow : Akademicheskii proekt. 396 p. (In Russ.).

Rogers, C. R. (1994) *Vzgliad na psikhoterapiiu. Stanovlenie cheloveka [On becoming a person: A therapists view of psychotherapy]* / transl. from English, ed. and foreword by E. I. Isenina. Moscow : Progress ; Univers. 480 p. (In Russ.).

Rogers, C. R. (2001) Klientotsentrirovannyi/chelovekotsentrirovannyi podkhod v psikhoterapii [Client-centered / person-centered approach to therapy] / transl. from English by E. V. Matiukhina, A. B. Orlov and A. Yu. Sheveleva. *Voprosy psikhologii*, no. 2, pp. 48–58. (In Russ.). EDN: [NBEUND](#)

Rogers, C. R. (2014) Sovremennyi podkhod k tsennostnomu protsessu [A modern approach to the value process]. In: *Ezhegodnik po konsul'tativnoi psikhologii, kouchingu i konsaltingu*. Issue 1 / ed. by V. Yu. Menovshchikov and A. B. Orlov. Moscow : FPK-Institut. 200 p. Pp. 180–195. (In Russ.). EDN: [ZJDQCL](#)

Rogers, C. R. (2016) Teoriia terapii, lichnosti i mezhlichnostnykh otnoshenii v ramkakh klient-tsentrirovannogo podkhoda [A theory of therapy, personality and interpersonal relationships: As developed in the client-centered framework]. In: *Ezhegodnik po konsul'tativnoi psikhologii, kouchingu i konsaltingu*. Issue 3 / ed. by V. Yu. Menovshchikov and A. B. Orlov. Moscow : FPK-Institut. 208 p. Pp. 130–198. (In Russ.).

Rogers, C. R. and Freiberg, H. J. (2019) *Svoboda uchit'sia [Freedom to learn]* / transl. from English by A. B. Orlov, S. S. Stepanov and E. Yu. Patiaeva. 2nd edn. Moscow : Smysl. 527 p. (In Russ.). EDN: [ZGVQGF](#)

Runets, O. V. (2018) Doverie professionala k sebe v pomogaiushchikh professiiakh sotsionomicheskogo tipa (na primere professii fel'dshera skoroi meditsinskoi pomoshchi) [A professional's trust in themselves in helping professions of a socionomic type (the case of the profession of an emergency medical assistant)] : Diss. ... Candidate of Psychology: 19.00.03. Moscow. 170 p. (In Russ.). EDN: [BVHWUH](#)

Skripkina, T. P. (2000) *Psikhologiya doveriia [Psychology of trust]* : A study guide. Moscow : Akademia. 264 p. (In Russ.). EDN: [QXTIOJ](#)

Starovoitenko, E. B. (2015) *Personologiya: zhizn' lichnosti v kul'ture [Personology: The life of the individual in culture]*. Moscow : Akademicheskii proekt. 431 p. (In Russ.). EDN: [VRSFVH](#)

Starovoytenko, E. B. and Shchebetenko, S. A. (2020) Ia-neizvestnoe v dostizhenii samotozhdestva i samopreobrazovanii lichnosti [Unknown self in reaching self-identity and self-transformation]. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 17, no. 4, pp. 757–778. (In Russ.). EDN: [DCYUJU](#). DOI: [10.17323/1813-8918-2020-4-757-778](#)

Suntsova, Ya. S. (2020) Psikhologicheskoe blagopoluchie lichnosti v sviazi s doveriem k sebe i liudiam [Psychological well-being of an individual in relation to trust in oneself and people]. *Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*, vol. 30, no. 1, pp. 33–47. (In Russ.). EDN: [ELPXYN](#). DOI: [10.35634/2412-9550-2020-30-1-33-47](#)

Fromm, E. (2009) *Chelovek dlia samogo sebja. Revoliutsiia nadezhdy. Dusha cheloveka* [Man for himself. The revolution of hope. The heart of man]. Moscow : AST ; AST MOSKVA. 763, [2] p. (In Russ.). EDN: [QXWLWP](#)

Fukuyama, F. (2004) *Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniuu* [Trust: The social virtues and the creation of prosperity] / transl. from English by D. Pavlova, V. Kiriushchenko and M. Kolopotin. Moscow : AST ; Ermak. 730, [6] p. (In Russ.).

Shostrom, E. (1992) *Anti-Karnegi, ili Chelovek-manipuliator* [Anti-Carnegie, or man the manipulator] / transl. from English by A. Malysheva. Minsk : TPTs "Polifakt". 128 p. (In Russ.).

Erikson, E. (1996) *Detstvo i obshchestvo* [Childhood and society] / transl. from English by A. A. Alekseev. 2nd ed., revised and enlarged. St. Petersburg : Lenato ; AST ; Foundation "Universitetskaia kniga". 592 p. (In Russ.). EDN: [RUUYWV](#)

Barbalet, J. (2019) The experience of trust: Its content and basis. In: *Trust in contemporary society* / ed. by M. Sasaki. Lieden ; Boston : Brill. xiv, 270 p. Pp. 11–30. (Series: International Comparative Social Studies, vol. 42). DOI: [10.1163/9789004390430_003](#)

Chuyko, H., Chaplak, Y. and Koltunovych, T. (2020) Theoretical aspects of the problem of trust in psychology. In: *Trends and prospects of the education system and educators' professional training development* / ed. by M. Oliinyk, O. Clipa and M. Stawiak-Ososińska. Iasi, Romania : Lumen Publishing House. 536 p. Pp. 163–186. DOI: [10.18662/978-1-910129-28-9.ch011](#)

Govier, T. (1993) Self-trust, autonomy, and self-esteem. *Hypatia*, vol. 8, issue 1, pp. 99–120. DOI: [10.1111/j.1527-2001.1993.tb00630.x](#)

Jourard, S. M. (1959) Healthy personality and self-disclosure. *Mental Hygiene*, vol. 43, pp. 499–507.

Lewicki, R. J., McAllister, D. J. and Bies, R. J. (1998) Trust and distrust: New relationships and realities. *The Academy of Management Review*, vol. 23, no. 3, pp. 438–458. DOI: [10.2307/259288](#)

Misztal, B. A. (2019) Trust in habit: A way of coping in unsettled times. In: *Trust in contemporary society* / ed. by M. Sasaki. Lieden ; Boston : Brill. xiv, 270 p. Pp. 41–59. (Series: International Comparative Social Studies, vol. 42). DOI: [10.1163/9789004390430_005](#)

Rogers, C. R. (1959) A theory of therapy, personality and interpersonal relationships, as developed in the client-centered framework. In: *Psychology: A study of a science. Study 1. Conceptual and systematic* / ed. by S. Koch. New York : McGraw-Hill. Vol. 3: Formulations of the person and the social context. Pp. 184–256.

Rogers, C. R. (1980) *A way of being*. Boston : Houghton Mifflin. x, 395 p.

Seligman, A. B. (1997) *The problem of trust*. Princeton, NJ : Princeton University Press. 231 p.

Submission date: 15.09.2023.

Acceptance date: 10.10.2023.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Бабанов Алексей Вячеславович — кандидат философских наук, младший научный сотрудник Института философии Российской академии наук. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Эл. адрес: babanov_aleksey@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

BABANOV Aleksey Viacheslavovich, Candidate of Philosophy, Junior Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Postal address: 12/1 Goncharnaya St., 109240 Moscow, Russian Federation. E-mail: babanov_aleksey@gmail.com

ORCID: [0000-0001-5559-4924](https://orcid.org/0000-0001-5559-4924)

ResearcherID: [V-4551-2018](https://orcid.org/V-4551-2018)

Scopus Author ID: [57195990768](https://orcid.org/57195990768)

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Бабанов А. В. Феномен доверия к себе в человекоцентрированном подходе К. Роджерса [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. 2023. № 3. С. 32–65. URL: <https://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/1859> (дата обращения: дд.мм.гггг). EDN: [GKLSAW](https://orcid.org/GKLSAW). DOI: [10.17805/ggz.2023.3.3](https://doi.org/10.17805/ggz.2023.3.3)